

Глава 3

КАРЛ МЕНГЕР И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

3.1. Введение

Принято считать, что, опубликовав в 1871 г. работу «Основания политической экономии» (Menger 1981; Менгер 2005б), Карл Менгер (1840—1921) произвел на свет австрийскую экономическую школу. Тем не менее главной заслугой этого автора было то, что он сумел воспринять и поддержать традицию мысли, возникшую в европейском католицизме и уходящую корнями в греческую философию и, с еще большей определенностью, в прочно утвердившуюся правовую, философскую и политическую мысль классического Рима.

Действительно, в Риме классического периода обнаружили, что закон во многом образом опирается на обычай, а юридические институты (подобно экономическим, а также языку) возникают в ходе длительного процесса развития и включают огромный объем информации и знания, намного превосходящий умственные способности любого правителя, сколь угодно мудрого и доброго. Цицерон («О Государстве» 2.1—2), излагая взгляды Катона, пишет: «Наше государственное устройство лучше устройства других государств по той причине, что в последних, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений, например у критян — Минос, у лакедемонян — Ликург... Напротив, наше государство создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, *никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться*

в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом».

Как мы увидим, ядро этой фундаментальной идеи послужит основой для аргумента Людвиг фон Мизеса о теоретической невозможности социалистического планирования. В Средние века эта идея была сохранена и усилена благодаря христианскому гуманизму и томистской философии естественного права, которое мыслилось как совокупность этических принципов, неподвластных силе любого земного правительства. Пьетро ди Джовани Оливи, святой Бернардин Сиенский и святой Антонин Флорентийский в числе других разрабатывали теории развития рыночной экономики и цивилизации, в которых ведущую роль играли предприимчивость и творческая способность человека (Rothbard 1995a). Это направление мысли было подхвачено, взлелеяно и получило блестящее продолжение в трудах великих теоретиков схоластической традиции испанского золотого века, которых, несомненно, следует рассматривать как главных предшественников австрийской школы экономической теории.

3.2. Схоласты испанского золотого века как предшественники австрийской школы

Согласно Фридриху Хайеку, вопреки распространенному представлению, теоретические принципы рыночной экономики, как и основные элементы экономического либерализма, были разработаны не шотландскими кальвинистами и протестантами, а произросли из доктрин доминиканцев и иезуитов, принадлежавших к Саламанкской школе времен испанского золотого века (Найек 1978b). Хайек даже процитировал двух испанских схоластов, Луиса де Молину и Хуана де Луго, в своей нобелевской речи в 1974 г. (Найек 1989). Собственно говоря, инициатором был итальянский профессор Бруно Леони, который в 1950-х годах начал убеждать Хайека в католическом, испанском происхождении австрийского подхода к экономическому анализу. Леони доказал Хайеку, что корни динамической, субъективистской кон-

цепции экономической науки лежат на континенте и искать их надо в странах Средиземноморья, в греческой, римской и томистской традициях, а не в работах шотландских философов XVIII в. (Leoni 1991). Кроме того, несомненной удачей оказалось и то обстоятельство, что одна из самых талантливых учениц Хайека — Марджори Грайс-Хатчинсон именно тогда увлеклась латинской и испанской литературой и написала под его руководством работу о достижениях испанских схоластов в области экономики, ставшую со временем малой классикой (Grice-Hutchinson 1952, 1978, 1993).

Кем были эти интеллектуальные предтечи современной австрийской школы экономической теории? Большинство из них были доминиканскими и иезуитскими профессорами теологии и морали в университетах Саламанки и Коимбры — важнейших интеллектуальных центрах периода испанского золотого века (Chafuen 1986). Обратимся же к анализу и определению их главных достижений, позднее ставших основными элементами австрийского экономического анализа.

Пожалуй, нам следует начать с фигуры Диего де Коваррубиа-и-Лейвы (Diego de Covarrubias y Leyva, 1512—1577). Сын знаменитого архитектора, он стал епископом города Сеговия (в кафедральном соборе которого и похоронен) и в течение нескольких лет был министром короля Филиппа II. В 1555 г. Коваррубиа лучше, чем кто-либо до него, сформулировал существо субъективной теории ценности, ключевой пункт всей системы австрийского экономического анализа, заявив: «Ценность вещи зависит не от ее объективной природы, а от субъективных оценок людей, даже когда эта оценка нелепа». Чтобы проиллюстрировать свою мысль, он добавил: «В Индиях пшеница дороже, чем в Испании, потому что там люди ценят ее больше, хотя объективная природа пшеницы везде одинакова» (Covarrubias 1604, 131). Коваррубиа исследовал историческое падение покупательной способности мараведи и предвосхитил многие из теоретических выводов в области количественной теории денег, к которым впоследствии пришли Мартин де Аспилькуэта и Хуан де Мариана. Исследование Коваррубиа, известное как *Veterum collatio numismatum*, содержит большой статистический

материал о движении цен за предшествующее столетие. Работа знаменательна не только тем, что спустя столетие ею восхищались итальянцы Даванцати и Галиани, но и прежде всего потому, что это одна из книг, на которую ссылается Карл Менгер в своих «Принципах политической экономии» (Menger 1981; Менгер 2005б).

Основанная Коваррубасом субъективистская традиция была продолжена другим замечательным схоластом, Луисом Саравиа-де-ла-Калье, который первым пролил свет на истинное соотношение между рыночными ценами и издержками. Саравиа-де-ла-Калье утверждал, что во всех случаях издержки обычно следуют за ценами, но никак не наоборот. Таким образом, он опередил свое время, указав на ошибочность объективной теории ценности, впоследствии разработанной представителями английской классической школы, заложившими фундамент для теории эксплуатации Карла Маркса и его социалистических последователей. В своей работе *Instrucción de mercaderes* («Наставление купцам»), примерно в 1544 г. опубликованной на испанском языке в Медине-дель-Кампо, Саравиа-де-ла-Калье пишет: «Серьезно ошибаются те, кто измеряет справедливую цену вещи трудом, издержками и рисками того, кто производит товар или торгует им; потому что справедливая цена создается избытком или нехваткой товаров, купцов и денег, а не издержками, трудом и рисками» (Saravia de la Calle 1949, 53). Более того, в соответствии упомянутой выше схоластической традицией выделять стимулирующую роль предпринимателя — традицией, восходящей к идеям Пьетро ди Джовани Оливи, святого Антонина Флорентийского и особенно святого Бернардина Сиенского (Rothbard 1995a), — в центре внимания книги стоит фигура предпринимателя (которого Саравиа-де-ла-Калье называет «купцом»).

Другой замечательный вклад испанских схоластов — введение динамической концепции конкуренции (лат. *concurrentium*), понимаемой как предпринимательский процесс соперничества, являющийся движущей силой рынка и развития всего общества. Эта идея, ставшая впоследствии центральной для австрийской рыночной теории, пря-

мо противоположна неоклассическим моделям равновесия, совершенной конкуренции, монополистической конкуренции и монополии. Эта концепция привела схоластов к выводу, что человеку не дано знать цены, соответствующие модели равновесия (по их терминологии, «математические цены»), которые ориентированные на социализм неоклассические теоретики стремились использовать как обоснование государственного вмешательства в экономику (интервенционизма) и всеобщего планирования. Так, Раймон де Рувер пишет: «Молина даже вводит концепцию конкуренции, утверждая, что конкуренция, т.е. соперничество, между покупателями ведет к росту цен». Это динамическое понимание конкуренции ничем не напоминает статичную модель «совершенной конкуренции», которая, как наивно верили в XX в. теоретики «рыночного социализма», может быть смоделирована в системе без частной собственности (Raymond de Roover 1955, 169). Но только Херонимо Кастильо де Бовадилля сумел отчетливо объяснить динамическую концепцию свободной конкуренции между предпринимателями в своей книге *Política para corregidores*, опубликованной в Саламанке в 1585 г., где он отмечает, что наиболее положительным аспектом конкуренции, ее сущностью, является попытка превзойти конкурента (Popescu 1987, 141—159). Кроме того, Кастильо де Бовадилля сформулировал следующий экономический закон, который впоследствии стал основой австрийского аргумента в пользу рынка: «Цены продукции понижаются в результате изобилия, взаимного подражания и конкуренции продавцов» (Castillo de Bovadilla 1985, 2, chap. 4, no. 49).

Испанские иезуиты, кардинал Хуан де Луго и Хуан де Салас, прояснили вопрос о том, что ни власти, ни аналитики не в состоянии знать цены равновесия и другие данные, необходимые им для регулирования рынка или разработки своих моделей. Хуан де Луго (1583—1660) задумался над тем, как можно определить цену равновесия, и уже в 1643 г. пришел к выводу, что она зависит от такого множества специфических обстоятельств, что может быть ведома только Богу (*pretium iustum mathematicum licet soli Deo notum*) (Lugo 1642, 2:312).

Со своей стороны, Хуан де Салас в 1617 г. рассмотрел шансы правителя заполучить конкретную информацию, которая динамически создается, открывается и используется на рынке [экономическими агентами], и заявил, что *quas exacte comprehendere et ponderare Dei est non hominum*. Т.е. не человек, но Бог способен верно понимать и взвешивать информацию и знание, которые используют экономические агенты в рыночном процессе, и только он в силах учесть все частные обстоятельства места и времени (Salas 1617, 4, no. 6, 9). Как мы увидим далее, труды Хуана де Луго и Хуана де Саласа на триста лет опередили научные разработки ведущих мыслителей австрийской школы (особенно Мизеса и Хайека).

Другим существенным элементом того, что позднее стало инструментом австрийского экономического анализа, является принцип временного предпочтения, согласно которому в настоящем, при прочих равных, все блага оцениваются выше, чем в будущем. Эту доктрину заново открыл в 1556 г. Мартин де Аспилькуэта (знаменитый доктор Наварро), позаимствовавший ее у одного из самых ярких учеников святого Фомы Аквинского Эгидия Лессинийского, который уже в 1285 г. сформулировал: «Будущие блага не ценятся столь дорого, как те же самые блага, доступные немедленно, и они не позволяют их владельцам получать от них такую же пользу. По этой причине нужно полагать, что по справедливости их ценность должна быть ниже» (Dempsey 1943, 214).

Схоласты проанализировали также искажающее воздействие инфляции, понимаемой как любая государственная политика роста количества денег в обращении. В этой области самый выдающийся труд, *De monetae mutatione*, создал преподобный отец Хуан де Мариана, позднее опубликовавший его на испанском под названием *Tratado y discurso sobre la moneda de vellón que al presente se labra en Castilla y de algunos desórdenes y abusos* (Mariana 1987). В этой книге, впервые изданной в 1605 г., он критикует политику властей своей эпохи, которые обдуманно понижали пробу старых медных монет [т.е. добавляли в сплав менее ценные металлы]. Мариана не использует неизвестный в то время термин «инфляция», но объясняет, что порча монеты ведет к росту цен и широкой

дезорганизации экономической жизни. Кроме того, Мариана критикует политику установления потолка цен, имевшую целью противодействовать последствиям инфляции, и высказывает мысль, что эта политика не только не может дать никаких положительных результатов, но и крайне вредна для производства. Мариана сумел внести важные уточнения в исключительно макроэкономический, а потому весьма упрощенный, анализ, проведенный Мартином де Аспилькуэтой в 1556 г., а еще ранее предложенный Коперником в работе *Monetae cudendae ratio*. Они первыми предложили версию господствующей в наши дни грубо упрощенной и механистической количественной теории денег (Azpilcueta 1965, 74—75).

Испанские схоласты также внесли существенный вклад в теорию банковского дела (Huerta de Soto 1996). Например, доктор Саравиа-де-ла-Калье подверг жесткой критике банковскую практику частичного резервирования и объявил незаконным делом и тяжким грехом извлечение выгоды от выдачи ссуд третьим сторонам из денег, переданных банкиру на сохранение. Эта идея полностью совпадает с доктриной, установленной изначально классическими авторами римского права, естественно вытекающей из самой сущности, оснований и правовой природы договоров о передаче на хранение денежных сумм, которые на юридическом языке называются договором иррегулярной денежной поклажи (Saravia de la Calle 1949, 180—181, 195—197). Мартин де Аспилькуэта и Томас де Меркадо также дали строгий анализ банковской деятельности, и, хотя их вклад не столь значителен, как работа Саравиа-де-ла-Калье, они провели безупречное исследование требований, которым должен отвечать, с точки зрения справедливости, договор денежного банковского депозита. Все эти авторы безоговорочно стояли за то, чтобы банки следовали политике 100-процентного резервирования, и эта позиция стала центральной для австрийского подхода к теории кредита и экономического цикла (Huerta de Soto 1998; Уэрта де Сото 2007). Луис де Молина и Хуан де Луго подошли к вопросу о частичном резервировании более снисходительно и сочувственно, хотя Дэмпси полагает, что если бы эти авторы были знакомы с деталями и теоретическими последствиями

частичного резервирования столь же хорошо, как Мизес, Хайек и другие теоретики австрийской школы, и могли бы вообразить возникающие на основе этой практики кредитную экспансию и инфляционную эмиссию бумажных денег, то даже Молина, Лесиус и Луго сочли бы, что имеют дело с противозаконным процессом *институционального роста* (*Dempsey 1943, 225—228*).

Тем не менее стоит сказать: Луис де Молина был первым теоретиком, отметившим, что депозиты и банковские деньги вообще, которые он называет латинским термином *chirographis pecuniarum*, образуют такую же часть денежной массы, как и наличные. Фактически Молина еще в 1597 г., задолго до Пеннингтона, сделавшего то же самое в 1826 г., сформулировал фундаментальную идею о том, что имеющегося в обороте запаса звонкой монеты не хватило бы для оплаты всех совершаемых на рынке денежных сделок, если бы в обороте не участвовали деньги, выпускаемые банками: банкноты, эмитируемые под созданные депозиты, и чеки, выписываемые вкладчиками против своих депозитов. Благодаря финансовой деятельности банков из ничего возникают новые деньги в форме депозитов, которые используются в сделках (*Molina 1991, 147*).

Наконец, падре Хуан де Мариана написал еще одну книгу, *Discurso sobre las enfermedades de la compañía*, которая была опубликована посмертно в 1625 г. В этом труде Мариана доказывает — в истинно австрийском стиле, — что по причине отсутствия информации правительство не в состоянии организовать гражданское общество на основах приказов и принуждения. В самом деле, государство не имеет возможности получить информацию, которая требуется для того, чтобы его распоряжения обеспечивали координацию, а потому результатом его вмешательства оказываются только беспорядок и хаос. «Тяжка ошибка, когда слепой хочет вести зрячих», — пишет Мариана, имея в виду правительство. И добавляет: власти «не знают ни народа, ни хода дел, по крайней мере не знают всех тех обстоятельств, от которых зависит успех. Они неизбежно совершат множество серьезных ошибок, а в результате народу будет причинено бес-

покойство и он будет презирать это слепое правительство». Мариана делает вывод, что «власть и приказ безумны» и когда «слишком много законов, так что невозможно все их выполнять или хотя бы знать, теряется уважение сразу ко всем» (Mariana 1768, 151—155, 216).

В общем, схоласты испанского золотого века смогли сформулировать то, что позднее стало ключевыми теоретическими принципами австрийской экономической школы, а именно: *во-первых*, субъективную теорию ценности (Диего де Коваррубиас-и-Лейва); *во-вторых*, правильную взаимосвязь между ценами и издержками (Саравиа-де-ла-Калье); *в-третьих*, динамическую природу рынка и нереализуемость модели равновесия (Хуан де Луго и Хуан де Салас); *в-четвертых*, динамическую концепцию конкуренции, понимаемой как процесс соперничества между продавцами (Кастильо де Бовадилья и Луис де Молина); *в-пятых*, принцип временного предпочтения (заново открытый Мартином де Аспилькуэтой); *в-шестых*, глубоко искажающее воздействие инфляции на экономическую жизнь (Хуан де Мариана, Диего де Коваррубиас и Мартин де Аспилькуэта); *в-седьмых*, критический анализ организации банковского дела на основе частичного резервирования (Саравиа-де-ла-Калье и Мартин де Аспилькуэта); *в-восьмых*, признание того, что банковские депозиты образуют часть денежной массы (Луис де Молина и Хуан де Луго); *в-девятых*, невозможность организовать общество на основе приказов и принуждения по причине отсутствия информации, которая могла бы обеспечить координацию на основе таких приказов (Хуан де Мариана); и, *в-десятых*, либертарианскую традицию, согласно которой все неоправданные вторжения в рыночную деятельность представляют собой нарушение естественного права (Хуан де Мариана).

Итак, с полным основанием можно утверждать, что, хотя динамическая, субъективистская концепция рынка была подробно разработана Карлом Менгером в публикации 1871 г., истоки ее находились в Испании. Именно здесь, в Саламанкской школе, мы находим интеллектуальные корни австрийской экономической традиции. Подобно

современной австрийской школе, Саламанская школа, в отличие от неоклассического подхода, характеризуется прежде всего подлинным реализмом и строгостью аналитических предпосылок.

3.3. Угасание схоластической традиции и отрицательное влияние Адама Смита

Чтобы понять, как испанские схоласты смогли повлиять на развитие австрийской экономической школы, давайте вспомним, что в XVI в. Карл V, император и король Испании, посадил на австрийский престол своего брата Фердинанда I. Этимологически «Австрия» означает «восточная часть империи» — империи, которая в то время включала практически всю территорию континентальной Европы, за исключением одной только Франции, которая оказалась в изоляции и была со всех сторон окружена испанскими войсками. С учетом этого нетрудно понять, каким образом испанские схоласты смогли оказать интеллектуальное влияние на австрийскую школу — то была отнюдь не случайность и не каприз истории, а закономерный результат тесных исторических, политических и культурных связей между Испанией и Австрией, развивавшихся с XVI в. (Bérengruer 1993, 133—335). В этих связях, поддерживавшихся на протяжении нескольких столетий, важнейшую роль играла Италия, служившая культурным мостом для интеллектуального обмена между дальними концами империи (Испанией и Австрией). Таким образом, у нас есть достаточно сильные аргументы в пользу тезиса о том, что по крайней мере в момент своего зарождения австрийская школа была продолжением испанской традиции.

Главной заслугой Карла Менгера было то, что он открыл и вдохнул жизнь в эту континентальную испанскую католическую традицию, которая пребывала в упадке и была практически забыта из-за триумфа протестантской реформации и «черной легенды», направленной против всего испанского, а особенно из-за пагубного влияния Адама Смита и всей классической школы политической экономии на ис-

торию экономической мысли. Как отмечает Мюррей Ротбард, Адам Смит отбросил все, относившееся к субъективной теории ценности, центральной роли предпринимателя и попыткам объяснить цены, складывающиеся на реальном рынке, и выдвинул на передний план трудовую теорию ценности, которую позднее Маркс, доведя дело до логического конца, положил в основание своей теории капиталистической эксплуатации. Более того, Адам Смит сосредоточил свои усилия на объяснении «естественной» цены, соответствующей состоянию долгосрочного равновесия, модели равновесия, в которой демонстративно отсутствует предпринимательство, а вся необходимая информация предполагается доступной (позднее неоклассические теоретики равновесия использовали эту модель для критики мнимых «провалов рынка» и оправдания социализма и вмешательства государства в экономику и гражданское общество). Кроме того, Адам Смит пропитал экономическую науку кальвинизмом, примером чего служат его поддержка запрета ростовщичества и различие между «производительными» и «непроизводительными» занятиями. Наконец, Адам Смит порвал с радикальной позицией *laissez faire*, выдвинутой его континентальными (испанскими, французскими и итальянскими) предшественниками и сторонниками естественного права, и ввел в историю идей вялый «либерализм», в такой степени изрешеченный исключениями и прояснениями, что его могли бы принять даже многие из современных социал-демократов (Rothbard 1995a).

Поэтому, с точки зрения австрийской традиции, идеи английской классической школы оказали пагубное влияние на экономическую теорию, причем пагубность эта была только умножена преемниками Адама Смита, в частности Иеремией Бентамом, который заразил экономическую теорию самым узким утилитаризмом, косвенным образом поспособствовав развитию псевдонаучного анализа издержек и выгод (ему казалось, что они могут быть известны) и возникновению традиции социальной инженерии, ставящей своей целью преобразование общества по своей прихоти с помощью принуждающей власти государства. В Англии эта

тенденция достигла кульминации в отречении Джона Стюарта Милля от *laissez faire* и его многочисленных уступках социализму. Во Франции вследствие триумфа картезианского конструктивистского рационализма воцарился интервенционизм *École Polytechnique* (Высшей Политехнической школы в Париже) и сциентистский социализм Сен-Симона и Конта (Hayek 1955, 105—188; Хайек 2003, 137—274).

К счастью, несмотря на победоносный интеллектуальный империализм английской классической школы, подчинившей себе развитие экономической теории, католическая континентальная традиция, взлелеянная схоластиками испанского золотого века, не была забыта окончательно. Более того, она оказала влияние на двух известных экономистов — ирландца Кантильона и француза Тюрго. По большому счету именно этих двоих и следовало бы считать истинными основателями экономической науки. Примерно в 1730 г. Кантильон написал работу «Опыт о природе торговли вообще», которую Дживонс рассматривал как первый систематический трактат по экономике. В этой книге Кантильон выдвигает на первый план фигуру *предпринимателя* в качестве движущей силы рыночного процесса и объясняет, что увеличение количества денег не затрагивает сразу общий уровень цен, а наносит ущерб реальной экономике шаг за шагом, постепенно, затрагивая и искажая устанавливающиеся на рынке относительные цены. Это знаменитый эффект Кантильона, который позднее был скопирован Юмом и включен Мизесом и Хайеком в анализ капитала и экономических циклов (Cantillon 1959; Кантильон 2007).

Задолго до Адама Смита маркиз д'Аржансон (в 1751 г.) и особенно Тюрго дали точное описание рассеянной природы знания, воплощенного в социальных институтах, понимаемых как стихийные порядки. Впоследствии анализ последних стал одним из важнейших элементов исследовательской программы Хайека. Уже в 1759 г. Тюрго в «Похвальном слове Венсану де Гурнэ» сделал вывод: «Нет нужды доказывать, что каждое частное лицо является единственным судьей самого выгодного использования своей земли и своих рук. Оно одно знакомо с местными условиями, без знания кото-

рых самый просвещенный человек может рассуждать лишь вслепую. Только оно обладает опытом, тем более надежным, что таковой ограничен одним предметом. Оно приобретает знание с помощью повторных опытов, посредством своих успехов, путем потерь и поучает житейскую сноровку, тонкость которой, заостренная изучением потребности, далеко превосходит теорию равнодушного наблюдателя, поскольку последним движет необходимость». Вслед за Хуаном де Марианой Тюрго также отмечает «абсолютную невозможность управлять посредством неизменных правил и постоянного наблюдения за множеством операций, сама необъятность которых препятствует ознакомлению с ними. Более того, они постоянно зависят от массы непрерывно меняющихся обстоятельств, не поддающихся никакому воздействию и даже предвидению» (Turgot 1844, 275, 288; Тюрго 1961, 72, 79).

Даже в Испании периода длительного упадка XVIII—XIX вв. схоластическая традиция не исчезла окончательно, даже несмотря на сильнейший комплекс неполноценности в отношении англосаксонского интеллектуального мира. О сохранении этой традиции свидетельствует тот факт, что другой испанский католический автор смог разрешить парадокс ценности и четко сформулировать закон предельной полезности за 27 лет до того, как Менгер опубликовал «Основания политической экономии». Этим писателем был каталонец Хайме Балмес [Jaime Balmes (1810—1848)], ставший, несмотря на краткий век, ведущим томистским философом Испании своего времени. В 1844 г. он опубликовал статью «Истинное понимание ценности, или Мысли о происхождении, природе и разнообразии цен», в которой не только разрешил парадокс ценности, но и ясно изложил закон предельной полезности. Балмес задается вопросом: «Почему драгоценный камень стоит больше, чем кусок хлеба, удобная одежда или, возможно, даже здоровое и уютное жилище?» — и отвечает: «Это не трудно объяснить. Поскольку ценность вещи определяется ее полезностью или способностью удовлетворять наши нужды, чем нужнее она в этом отношении, тем ценнее она будет. *Следует также помнить, что, если число средств возрастает, потребность в любом из них в отдель-*

ности понижается, потому что, когда есть выбор из большого количества, никакое отдельное средство не будет незаменимым. Следовательно, существует необходимая связь, своего рода пропорция, между увеличением или понижением ценности и редкостью или изобилием чего-либо. Кусок хлеба стоит немного, но это объясняется его необходимостью для удовлетворения наших потребностей, потому что хлеба у нас в изобилии. Однако, если это количество уменьшится, его цена быстро пойдет вверх и достигнет любого уровня, что можно наблюдать в периоды нехватки. Последнее явление особенно наглядно в отношении всех видов благ в городе, долго осаждаемом во время войны» (Balmes 1949, 615—624). Благодаря вкладу Балмеса континентальная традиция описала полный круг и подготовила почву для работы Карла Менгера и его австрийских учеников, которые спустя несколько десятилетий завершили разработку этой традиции, отточили ее до совершенства и вдохнули в нее новую жизнь.

3.4. Менгер и субъективизм австрийской школы: концепция деятельности как множества субъективных этапов, субъективная теория ценности и закон предельной полезности

Еще в молодости Менгер понял, что сформулированная Адамом Смитом и его англосаксонскими последователями классическая теория образования цен не очень убедительна. Личные наблюдения Менгера за функционированием фондового рынка (одно время он был биржевым корреспондентом *Wiener Zeitung*), а также собственные исследования привели к тому, что в возрасте 31 года «в состоянии болезненного возбуждения» (по выражению Хайека) он написал книгу, официально давшую жизнь австрийской школе экономической теории. Автор стремился утвердить новые основания, на которых, по его глубокому убеждению, необходимо было перестроить все здание экономической науки. Предложенные им принципы предусматривали, что развитие экономической науки будет опираться на человека как творческое начало

и главное действующее лицо всех социальных процессов и событий (субъективизм), а также, впервые в истории экономической мысли, с позиций субъективизма была сформулирована целостная теория стихийного возникновения и эволюции всех общественных (экономических, правовых и языковых) институтов, понимаемых как утвердившиеся модели поведения. Все эти идеи содержатся в опубликованной Менгером в 1871 г. книге «Основания политической экономии», которой суждено было стать одной из наиболее влиятельных работ в истории экономической мысли.

Самым оригинальным и плодотворным в замысле Менгера оказалось намерение сделать человека, рассматриваемого как творческое начало и главное действующее лицо всех социальных процессов, основой всего здания экономической науки. Для Менгера принципиально важен отказ от бесплодного «объективизма» английской классической школы и ее одержимости мнимым существованием объективных, внешних сущностей (социальных классов, *агрегированных* показателей, *материальных* факторов производства и пр.). Он утверждает, что ученые-экономисты всегда должны исходить из субъективной перспективы действующего человека, так чтобы эта перспектива оказывала решающее влияние на формулирование всех экономических теорий. Имея в виду предложенный Менгером новый субъективистский подход, Хайек даже пишет: «Наверное, не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении последних ста лет каждое серьезное открытие в экономической теории было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма». Хайек добавляет, что «наиболее последовательным в этом был Людвиг фон Мизес, и я считаю, что наиболее примечательные из его воззрений, поначалу поражающие читателя свою странностью и кажущиеся неприемлемыми, могут быть объяснены тем, что в последовательной приверженности к субъективистскому подходу он намного опередил своих современников» (Хайек 2003, с. 49).

Пожалуй, одним из наиболее типичных и оригинальных проявлений этой новой субъективистской тенденции, заложенной Менгером, была его «теория экономических благ

разных порядков». Для Менгера «экономические блага первого порядка» — это потребительские блага, т.е. такие, которые субъективно и непосредственно удовлетворяют человеческие потребности и в силу этого в особом, субъективном контексте каждого действия образуют *конечную цель*, к достижению которой стремится действующий субъект. Для достижения этих целей, т.е. для получения потребительских благ, или экономических благ первого порядка, сначала нужно пройти ряд промежуточных этапов, которые Менгер именует «экономическими благами более высокого порядка» (второго, третьего, четвертого и т.д.), отличающихся тем, что чем больше порядковый номер каждого этапа, тем дальше этот этап от конечного потребительского блага. По словам Менгера, «если мы располагаем комплементарными благами какого-либо особенно высокого порядка, сначала мы должны преобразовать их в блага предыдущего по номеру порядка и потом *поэтапно* в блага последовательно все более низкого порядка, пока мы не получим блага первого порядка, которые уже можно непосредственно применить к удовлетворению наших потребностей» (см.: Менгер 2005, с. 81).

Эта плодотворная идея Менгера логически вытекает из его субъективистской концепции, согласно которой каждый человек пытается достичь цели, с которой связывает какую-либо *субъективную ценность*, так что, ориентируясь на эту цель и подстегиваемый ее субъективной ценностью, он составляет и приводит в исполнение план действий, включающий последовательность этапов, которые он считает необходимыми для достижения цели. Более того, эти этапы обретают субъективную *полезность*, зависящую от ценности той цели, которую действующее лицо предполагает достичь благодаря использованию экономических благ высшего порядка. Иными словами, субъективная полезность средств, или экономических благ высокого порядка, в конечном счете определяется субъективной ценностью цели, или конечного потребительского блага, достижение которого обеспечивают эти средства. Вот так благодаря усилиям Менгера, впервые в истории экономической мысли, теория встала на точку зрения действующего субъекта и стала вращаться вокруг

процесса деятельности, состоящего из ряда *промежуточных этапов*, которые действующий субъект начинает, разрабатывает и пытается завершить, процесса, ведущего к достижению избранной им цели, или конечного потребительского блага (экономического блага первого порядка).

Действуя, каждый человек пытается достичь определенных *целей*, которые, как он обнаружил, по какой-то причине для него важны. Термин *ценность* относится к субъективной оценке выбранной цели, а психическая интенсивность этих оценок крайне изменчива. Термин *средства* относится ко всему, что, по субъективному мнению действующего агента, может помочь ему в достижении цели. *Полезность* относится к субъективной *оценке*, присваиваемой действующим агентом средствам, и зависит от ценности той цели, достижению которой они, по мнению действующего лица, способны помочь. В этом смысле ценность и полезность — две стороны одной медали, потому что субъективная ценность, присваиваемая действующим субъектом избранной цели, проецируется на средства, которые он считает полезными для ее достижения, именно через концепцию полезности.

Самым оригинальным и существенным вкладом Менгера в экономическую науку было не открытие закона предельной полезности, сделанное им хоть и независимо, но параллельно с Джевонсом и Вальрасом, а его субъективистская концепция всех процессов, связанных с человеческой деятельностью. Субъективная теория ценности и закон предельной полезности — просто очевидные следствия вышеизложенной субъективной концепции процесса деятельности, которой мы обязаны исключительно Менгеру. Фактически, проходя через последовательность этапов, действующий субъект оценивает средства в связи с целями, для достижения которых, по его мнению, они будут полезны, причем эта оценка по природе своей не абсолютна, но различна для разных взаимозаменяемых единиц средств, важных в контексте конкретного действия. Поэтому действующий субъект оценивает каждую из взаимозаменяемых единиц средств с точки зрения места, которое последняя из таких единиц занимает на его шкале ценностей, так что,

если действующий субъект утратит или приобретет единицу средств, соответствующая потеря или прибавка полезности будет определяться положением, занимаемым на его личной шкале ценностей той целью, которая может быть достигнута или утрачена с помощью этой последней единицы. Таким образом, с точки зрения австрийской школы, закон предельной полезности не имеет никакого отношения ни к физиологическому удовлетворению потребностей, ни к психологии, а является строго праксиологическим законом (по терминологии Мизеса), т.е. принадлежит к логике любой человеческой, предпринимательской и творческой деятельности.

Таким образом, важно проводить различие между теорией предельной полезности, разработанной Менгером, и законами предельной полезности, которые были параллельно сформулированы Джевонсом и Вальрасом. Для Джевонса и Вальраса предельная полезность была простым добавлением к математической модели равновесия (частичного в случае Джевонса и общего у Вальраса), в которой процесс человеческой деятельности явно отсутствует, а включение или исключение закона предельной полезности ничего не меняет. Напротив, для Менгера теория предельной полезности — это онтологическая необходимость и важнейшее следствие его собственной концепции человеческой деятельности как динамического процесса (Jaffé 1976, 511—524).

Более того, неудивительно, что главный основатель неоклассической чикагской школы Фрэнк Найт называл теорию Менгера об экономических благах первого и более высоких порядков наименее значительным из его достижений (Knight 1950). Этим утверждением Найт обнаруживает теоретическую неадекватность всей неоклассической парадигмы равновесия и, в частности, своей чикагской школы, для которой процесс производства имеет объективный и мгновенный характер, время играет роль не более чем параметра, а творчество и неопределенность, типичные для всякой предпринимательской деятельности, истреблены применением рикардианского равновесия, являющегося фокальной точкой исследования.

3.5. Менгер и экономическая теория социальных институтов

Для своего времени «Основания политической экономии» Менгера были передовой книгой: в ней ученый не только указал на существенную для реальной экономики и неотделимую от человеческой деятельности роль концепций времени, неведения, предпринимательского знания и ошибки, комплементарных благ, постепенно соединяющихся в ходе рыночного процесса, а также непрерывного неравновесия и изменений, характерных для любого реального рынка, но также включил новую теорию происхождения и эволюции социальных институтов, которая позднее была развита и доведена до конечных логических выводов Хайеком.

Вторым важнейшим вкладом Менгера было предложенное им теоретическое объяснение стихийного, эволюционного возникновения социальных институтов, исходящее из субъективной концепции человеческой деятельности и взаимодействия людей. Далекое не случайно Менгер посвятил «Основания политической экономии» Вильгельму Рошеру, одному из крупнейших немецких историков. Дело в том, что в теоретических спорах между сторонниками концепции эволюционного, исторического и стихийного развития институтов (позиция, представленная Савиньи в области права, Монтескье, Юмом и Берком — в области философии и политической науки) и сторонниками узкорационалистической картезианской концепции (представленной Тибо в области права, Бентамом и английскими утилитаристами — в области политической экономии) Менгер, по его мнению, снабдил первых необходимым и надежным теоретическим фундаментом.

Субъективистская концепция Менгера, центром которой является действующий человек, объясняет стихийное, эволюционное возникновение ряда моделей поведения (институтов) в сфере права, экономики и языка, которые делают возможной жизнь в обществе, через идею эволюционного процесса, в котором действует бесчисленное множество людей, каждый из которых оснащен собственным небольшим эксклюзивным запасом субъективного знания, практического

опыта, желаний, мнений и чувств. Менгер выяснил, что институты возникают в ходе социального процесса, состоящего из множества человеческих действий и направляемого особыми людьми из плоти и крови, которые, в конкретных обстоятельствах места и времени, раньше других открывают, что определенные формы поведения облегчают им достижение целей. Тем самым они запускают децентрализованный процесс проб и ошибок, в котором начинает преобладать поведение, лучше других устраняющее несогласованность, и в ходе такого неосознаваемого процесса обучения и подражания пример, поданный наиболее творческими и успешными людьми, получает распространение, и ему следуют остальные члены общества. Хотя Менгер развивает свою теорию в применении к конкретному экономическому институту, к возникновению и эволюции денег (Menger 1994), он отмечает, что, по существу, ту же теоретическую схему можно без особых проблем применить к возникновению и эволюции правовых институтов и языка. Сам Менгер с безукоризненной точностью ставит проблему, вокруг которой формулирует свою совершенно новую исследовательскую программу экономической науки: «Каким образом институты, служащие общему благополучию и чрезвычайно важные для его развития, возникли сами по себе, не направляемые общей волей?» (Menger 1985; Менгер 2005а). Ответ парадоксален: институты, имеющие жизненно важное значение для жизни в обществе (языковые, экономические, правовые и моральные), являются «непреднамеренными последствиями отдельных действий» (или, в терминологии Менгера, *Unbeabsichtigte Resultante*, Menger 1883, 182; Менгер 2005а, 392). Человек не мог бы обдуманно создать эти институты, потому что не обладает необходимыми интеллектуальными способностями для того, чтобы собрать и усвоить заключенный в них гигантский объем рассеянной динамической информации. Нет, они постепенно — стихийным и эволюционным образом — возникли из социального процесса взаимодействия людей. Поэтому Менгер, а вслед за ним и остальные австрийцы убеждены, что именно эта область должна быть главным предметом экономических исследований.

3.6. *Methodenstreit*, или Спор о методах

Должно быть, Менгер пережил сильнейшее разочарование, когда профессора, принадлежавшие к немецкой исторической школе, не только не оценили его вклад, но и увидели в нем опаснейшую угрозу историцизму. Вместо того чтобы понять, что вклад Менгера предлагает теоретическую основу, требующуюся для эволюционной концепции социальных процессов, они сочли, что его теоретичность и абстрактно-аналитический характер несовместимы с пропагандируемым ими узким историцизмом. Так началась *Methodenstreit*, первая и, пожалуй, самая знаменитая дискуссия с участием австрийцев. На несколько десятилетий она поглотила интеллектуальную энергию Менгера. Исповедовавшие историцизм немецкие профессора во главе со Шмоллером были жертвами гиперреализма (так же как впоследствии американские институционалисты из школы Торстейна Веблена), поскольку отрицали существование общезначимой экономической теории и защищали тезис о том, что обоснованным может считаться только знание, полученное в результате эмпирических наблюдений и сбора данных, относящихся к каждой отдельной исторической ситуации. В опровержение этого взгляда в 1883 г. Менгер написал свою вторую важную книгу «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (Менгер 2005а), где, опираясь на труды Аристотеля, доказывал, что для познания социальной действительности требуются две равно значимые дисциплины, дополняющие друг друга, но при этом радикально отличающиеся в эпистемологическом плане. Есть *теория*; ее можно представить как «форму» (в аристотелевском смысле), которая передает сущность экономических явлений. Эта теоретическая форма открывается путем интроспекции, т.е. внутренней рефлексии исследователя, которая возможна в силу того, что в экономической науке (как ни в какой другой) у исследователя есть привилегия быть той же природы, что и объекты наблюдения, и эта ситуация обеспечивает ему чрезвычайно ценное непосредственное знание. К тому же теория строится логически-

дедуктивным образом, исходя из ясного аксиоматического знания. В противоположность теории есть *история*; ее можно представить как «материю» (в аристотелевском смысле), которая воплощается в эмпирических фактах, характеризующих каждое историческое событие. Менгер рассматривал обе дисциплины, теорию и историю, форму и материю, как равно необходимые для познания действительности, но решительно отвергал идею о том, что теорию можно вывести из истории. Напротив, их взаимосвязь имеет обратный характер, в том смысле, что историю можно истолковывать, классифицировать и постигать только в свете предварительно разработанной экономической теории. Так, на основе методологического подхода, который к тому времени интуитивно в общих чертах уже был намечен Ж.-Б. Сэем, Менгер заложил основания того, что позднее стало «официальной» методологией австрийской экономической школы.

Следует отметить, что термин «историцизм» употребляется по меньшей мере в трех разных значениях. Первое, связанное с исторической школой права (Савиньи, Берк) и противопоставляемое картезианскому рационализму, было именно тем, которое австрийская школа отстаивала в своем теоретическом анализе возникновения институтов. Второе значение связано с немецкими профессорами исторической школы экономики XIX в. и американскими институционалистами XX в., отрицавшими возможность общезначимой абстрактной экономической теории, которую отстаивал Менгер, а после него развивали другие австрийские экономисты. Третий тип историцизма составляет фундамент методологического позитивизма неоклассической школы, которая пытается доказывать или опровергать теории, опираясь на эмпирическое наблюдение (иными словами, в конечном итоге — на историю), т.е. представляет собой позицию, которую Хайек считал всего лишь одним из проявлений картезианского рационализма, столь часто критикуемого австрийцами (Cubeddu 1993).

Любопытно отметить, что, защищая теорию от немецкого историцизма, Менгер и его последователи заключили временный союз с теоретиками неоклассической парадигмы

равновесия, в том числе Вальрасом и Джевансом (математический маржинализм), а также с неоклассиками Альфредом Маршаллом (Англия) и Джоном Бейтсом Кларком (США). Прекрасно осознавая глубокое различие между своим подходом и подходом теоретиков (общего или частичного) равновесия, австрийские сторонники динамической субъективистской традиции анализа рыночных процессов зачастую считали, что такой временный союз вполне оправдан необходимостью разгромить историцистов и защитить надлежащий научный статус экономической теории. Издержки этой стратегии дали о себе знать только спустя несколько десятилетий, когда в 1930-х годах («годы высокой теории», по удачному выражению Шэкля) триумф сторонников теории над историцистами был истолкован большинством экономистов как триумф математически формализованной теории равновесия, а не теории динамичных социальных процессов, которую изначально развивали Менгер и его последователи.

Как бы то ни было, вопреки распространенному толкованию, согласно которому *Methodenstreit*, или спор о методах, был бесполезной тратой времени и сил, мы убеждены, что он стал удобной возможностью уточнить и прояснить неизбежные методологические различия между науками о человеческой деятельности и естественными науками. Сохраняющаяся же в этой области путаница, несомненно, имеет причиной тот факт, что экономисты не проявили достаточного внимания к тому значительному вкладу, который был сделан Менгером в ходе этой полемики (Huerta de Soto 1982).